

Ведьма-сестра

В старые годы, в незапамятные жил царь с царицей, и был у них один сын мальчик. Жалели они, что больше у них нет детей, царице очень бы дочку хотелось -- да что делать. "Чего нам горевать, -- говорит царь жене, -- посмотри: у других и вовсе детей нету". А царица все скучает, на Бога жалуется.

Раз поехал царь на охоту. Выгнали собаки невиданного зверя, и поскакал царь за ним. Другие охотники далеко отстали, а царь все гонится. И завел его зверь в непроходимые чащобы, где и ноги человеческой не бывало. Завел, а сам сгинул, будто сквозь землю провалился.

Конь царский вовсе измучился, самого царя жажда томит. Слез царь с коня и пошел в глубокий овраг к ручейку. Смотрит -- на берегу ручья в траве лежит ребенок -- девочка, да такая славная, толстенькая, розовая, словно ягодка. "Еще грудная, -- думает царь. -- А где же ее мать?" Вечер наступил, пришла ночь -- нет матери. Под утро стала девочка плакать, кричать. "Есть бедной хочется", -- думает царь. Взял ее на руки, а она как укусит его в руку до крови, да так и присосалась. Он глядит, а у девочки полон ротик зубов -- и острые как иголки. Подивился царь и думает: "Надо мне домой ворочаться; только как девочку здесь оставить -- ее дикие звери разорвут". Подумал и порешил взять ее с собою, а на месте, где ее нашел, записку оставил: что вот такой-то царь нашел здесь грудную девочку и взял ее к себе.

Привозит он домой девочку, царица несказанно обрадовалась: "Это, -- говорит, -- мне Бог послал!" Забыла, что Бога-то она не просила...

Девочка растет да растет; другая к году еще соску сосет, а она уж большая, бегают, говядину ест. Еще года три прошло -- совсем она, как большой человек, выросла. У царя и царицы точно глаза отведены: ничего не замечают, любят ее больше души.

Раз приходят во дворец царские пастухи и жалуются царевичу, что нет никакой возможности: каждую ночь из стада то конь, то бык пропадает. А кто ворует -- неизвестно, только не люди, потому что ни разу следов не было. В первый раз царевич подумал, что пастухи сами мошенничают, прикрикнул на них... А они скоро опять пришли, просят их от службы уволить, потому что устеречь стада они не могут. "Прилетает, -- говорят, -- каждую ночь что-то и таскает скот. Мы боимся". -- "Что такое?" -- подумал царевич и пошел к своему дядьке. Его дядька, старый старичок, во дворце на покое жил.

"Бредит старик, -- подумал царевич, -- или вовсе из ума выжил". И ушел от него.

Сел на коня и уехал из родной земли куда глаза глядят. Ехал он ехал долго ли, коротко ли -- скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается -- и доехал до края земли, до того места, где небо с землей сходится.

Смотрит: стоит дивный дворец, весь из красных самоцветных камней выстроен, и выходит к нему из того дворца неописанной красоты девица.

"Здравствуй, дорогой гость! -- говорит. -- Войди ко мне, отдохни с долгой дороги. Я -- Заря-Заряница, Солнцева сестрица".

Царевич вошел во дворец, да там и остался. Ходит за ним Солнцева сестрица как за родным братом: все в его воле, ни в чем ни нужды, ни отказа нет.

Подарила ему для охоты двух псов: Харама и Хурума. Так они царевича знали, так к нему привыкли, что мысли его угадывали, -- он весел и они играют, он грустит, и они смирно лежат, скучают.

Только царевич все больше нерадостен был: хочется ему узнать, что в родном доме делается. Все сидит он наверху высокой горы да в ту сторону, где родная земля, поглядывает. "Что это у тебя, царевич, глаза заплаканы?" -- спрашивает Солнцева сестрица. "Ветром, знать, надуло". В другой раз отговорился, будто пылью ему глаза занесло. Солнцева сестрица и приказала ветру не дуть.

Нечего делать: пришлось признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра молодца, на родину понаведаться. Она его не отпускает: "Ничего там хорошего не увидишь; пожалуй, еще сам пропадешь". Он ее упрашивает. Наконец, она отпустила его.

Взял царевич своих собак, Харама и Хурума, и поехал в путь-дорогу. Едет-едет и наехал на сильномогучего богатыря Горыню; сидит Горыня пригорюнившись в чистом поле. "Чего, богатырь, не весел?" -- спрашивает его царевич.

"Видишь, царевич, поставлен я горы ворочать; все перевернул, ровное поле сделалось -- теперь скоро и смерть моя". -- "Пойдем за мной, я тебе сколько хочешь гор покажу". Обрадовался богатырь и пошел за царевичем.

Дальше повстречался им богатырь Дубыня, сидит на пенечке пригорюнившись, а вокруг него чистое поле. "Чего, богатырь, кручинен?" -- спрашивает его царевич. "Да видишь, царевич, поставлен я дубы с корнями вырывать. Все повывернул, значит, скоро и помирать мне надо". -- "Ну, твоему горю не мудрено помочь: иди за мной, в наших сторонах лесу конца-края нет". Пошел за ним Дубыня.

Долго ли, коротко ли добрались они до высоких гор; стоят горы каменные, выше облаков... "Спасибо тебе, царевич, -- говорит Горыня, -- век твоей услуги не забуду". И давай горы ворочать, с землей ровнять. "Да пойдем дальше, -- говорит царевич, -- там горы куда выше этих". "И до тех доберусь, сперва дай на этих плечи поразмять".

Добрался царевич с Дубыней до дремучих лесов -- во все стороны леса

раскинулись без конца-края, стоят дубы вековые, кряжистые. "Ой, благодарствую тебе, царевич, -- говорит Дубыня, -- по век я твой должник за твою услугу". И давай дубы с корнями выворачивать да раскидывать.

Ехал еще, ехал царевич и посреди тех лесов дремучих увидал избушку; стоит избушка, поворачивается. "Станька, избушка, по-старому, как мать поставила!" -- говорит царевич. Избушка повернулась к нему дверью. Он смотрит: сидит в избушке на печке Баба-Яга, костяная нога, нос в потолок врос, сама зубы точит. "Фу-фу-фу, -- говорит Яга, -- человеческого духа здесь слыхом не слышать, видом не видать, а вот человечья кость сама въявь объявляется! Войди-ка сюда, добрый молодец".

Царевич не убоился, вошел, а за ним и его собаки. "Ой-ой, -- говорит Яга, -- да ты вот с какими сторожами... Куда путь держишь?" Рассказал ей царевич. А Яга -- она его названной сестре родной теткой приходилась -- угостила его, напоила, накормила, спать в мягкую постель уложила да и давай его собак отманывать. Только те, как легли около хозяина, так и не отходят... Не удалось Яге на этот раз. "Ну, -- говорит она себе, -- уж я как-никак исхитрюсь, а этих псов изведу: при них дорогой племяннушке этого молодца не осилить".

Наутро поехал царевич дальше. Откуда ни возьмись, выскочил из кустов заяц. "Вот, -- говорит царевич, -- и завтрак будет. Ну-ка, Харам, Хурум, поймайте его!" Кинулись собаки за зайцем; гнали-гнали, вдруг вскочил заяц в пещеру, собаки разогнались -- за ним... Заяц пропал, словно сквозь землю провалился, а за собаками двенадцать железных дверей захлопнулись. Стали собаки двери грызть, на белый свет хозяину в помощь прогрызаться.

А царевич подождал-подождал своих собак и поехал дальше. "Ничего, -- думает, -- по следу меня найдут, догонят".

Вышла сестра брата встречать, ввела во дворец царский и сейчас же опять наружу выбежала. Вошла опять, а у самой губы в крови: "Что это, братец, -- спрашивает, -- ваш конь, никак, об трех ногах?" Царевич выглянул в окно -- у коня его уж одна нога отъедена.

Так и сидит брат во дворце, а сестра -- то выйдет, то опять войдет -- глядь, а конь царевича уж весь съеден. "Посидите, братец, -- говорит ведьма, -- на гусях поиграйте; я пойду сготовлю, чем вас попотчевать". А сама побежала к кузнецу свои железные зубы точить -- за этим только и кузнец не съеден остался.

Царевич сидит, бренчит кое-как на гусях. Вдруг выбежала из-под полу мышка: "Ох, беги скорей царевич! Ведьма зубы точит; придет -- съест тебя! Давай, я за тебя поиграю". Побежал царевич в конюшню, вскочил на ведьмину клячу и давай ее железным прутком нахлестывать.

Разозлилась ведьма, заскрипела зубами и кинулась царевича догонять... Хоть она пешая, а он конный -- да что это за конь, насилиу ноги волочит. Вот-вот

ведьма догонит...

Тут как раз Дубыня дубы рвал. Увидал он царевича в беде -- его пропустил, а перед ведьмой давай дубы валить на дорогу, целую гору накидал -- ведьме нет проходу. Стала она путь прочищать, грызла-грызла, продралась и опять в погоню кинулась. Вот догоняет царевича, еще немножко -- и смерть ему неминуемая...

Тут Горыня горы ворочал; увидел Горыня ведьму, ухватил самую высокую гору и повернул как раз ведьме на дорогу, а на ту гору другую взвалил -- птице не перелететь. Кинулась ведьма сквозь гору себе дорогу прогрызть; грызла-грызла, насквозь прокопалась и опять за царевичем гонит. Завидела его: "Не уйдешь, -- кричит, -- теперь от меня!"

Вдруг, откуда ни возмись, налетели царевичевы собаки. Успели они двенадцать железных дверей прогрызть и прибежали хозяину на выручку. Кинулись собаки на ведьму, вмиг ее по клочкам разорвали... Одна голова с железными зубами осталась -- не могли с ней ничего собаки поделать.

И катится та голова за царевичем, лязгает зубами...

А царевичу уж близко -- вот он, дворец Солнцевой сестрицы, рукой подать... Вдруг налетела ведьмина голова и впилась коню в спину зубами... Обратился царевич ясным месяцем и взлетел ко дворцу Зари-Заряницы, Солнцевой сестрицы, -- до того времени на земле месяца не было...

Ученые люди это месячным затмением зовут.